

Минздрав и Патриархия предупреждают

Вячеслав КАЗАНСКИЙ

«Церковь и преодоление народного пьянства, алкоголизма и наркомании» — под таким названием проходило в минувшем году в Свято-Даниловом монастыре совещание представителей Минздрава СССР и Русской православной церкви. По мнению ученых, доклады которых чередовались с выступлениями священнослужителей, психотерапия, лечение словом, влияет на биологический субстрат алкоголизма, меняет ход процессов, происходящих в мозгу, активизирует защитно-приспособительные силы организма. А игумен Иринарх (Грезин) рассказывал о традициях церкви в борьбе с пьянством, ставя в пример лечебницу Иоанна Кронштадтского, просуществовавшую до 1918 года.

Было разработано соглашение о сотрудничестве между Всесоюзным научным центром медико-биологических проблем наркологии и Московской патриархией, содержащее такие характерные пункты:

«Центр наркологии представляет Русской Православной Церкви помещение, необходимое для отправления богослужения, совершения таинств (крещения, причащения, исповеди и других) и церковных обрядов в отношении верующих больных»;

«Священнослужители могут сообщать врачам сведения о больных, имеющие значение для терапевтического процесса, при условии, если это не будет являться нарушением тайны исповеди»;

«Священнослужителям может быть представлена необходимая медицинская информация о больном, если это не будет противоречить деонтологическим принципам сохранения врачебной тайны»;

«Священнослужители Русской Православной Церкви в своей духовной помощи наркологическим больным не будут преследовать прозелитических целей».

Воля — своя и чужая

(разговор в Минздраве СССР)

Каковы причины объединения усилий медицины и церкви? С этим вопросом мы обратились к начальнику Управления наркологии Минздрава СССР Владимиру Федоровичу ЕГОРОВУ. — В настоящее время не существует фармакологических средств, обеспечивающих излечение от алкоголизма или наркомании, — констатировал он. — Купируются запой или наркотическая абстиненция, и пациент выписывается из стационара. А дальше? Дальше все может повториться... Алкоголизм и наркомания имеют социальные корни, и поэтому медики сейчас обращают первейшее внимание на личность пациента. В этом мы оказываемся близки к церкви, «мишенью» деятельности которой является духовная сфера.

В сотрудничестве медицины и церкви есть немалый мировой опыт. В странах Запада при религиозных общинах действуют клубы и общества по борьбе с алкоголизмом и наркоманией, работу их организуют специально подготовленные люди. Есть реабилитационные центры. Расположены они в сельской местности. Под руководством психологов пациенты находятся там до двух лет. Излечившимся гарантируется работа или за ними закрепляется их прежнее место.

При этом больные добровольно отдают себя на попечение церкви и врачей. У нас же принята другая система: сначала больных выявить — и при этом как можно больше и как можно раньше! — а затем активно навязывать им медицинскую помощь. Добровольно, осознанно к нашим врачам-наркологам обращается только 30—40 процентов от общего числа пациентов, и в этих случаях результаты у нас не хуже зарубежных. Что же сказать о тех, кто не считал себя больным и оказался у нас по принуждению? Едва выписавшись, они возвращаются к употреблению того или иного наркотика. И здесь важно отметить: самолечение, имеющее и побочные, отрицательные эффекты, не создает у пациента сдержанное и контролируемое отношение к алкоголю. У него только два пути — или не пить совсем, или скатываться все ниже и ниже. А ведь речь идет о 60 или 70 процентах больных, находящихся на стационарном лечении!

Ситуация — не из простых. Ведь в условиях создаваемого у нас правового государства сфера принудительных мер по отношению к личности должна быть максимально сужена. Как добиться

того, чтобы больной алкоголизмом сам осознал необходимость лечения? На Западе большую помощь в решении этой задачи оказывают психологи и социологи. Сегодня такой путь для нас нереален — не хватает специалистов подобного профиля. Мы добиваемся того, чтобы врачам-наркологам давали необходимый минимум психологических знаний, договариваемся с Министерством народного образования о планировании необходимого количества специалистов для нас, но это программа на будущее. А сегодня мы с благодарностью принимаем помощь священнослужителей.

— *Владимир Федорович, если представить, что система наркологических учреждений уже была бы укомплектована необходимым количеством психологов, обратились бы вы тогда за помощью к церкви?*

— Без сомнения. Хотя бы потому, что часть больных — люди верующие.

Врач отец Алексей

Алексей Николаевич БАБУРИН — московский психотерапевт, и одновременно — священник храма Зачатия Преподобной Анны в подмосковном городе Чехове.

Вырос на Красной Пресне, закончил медицинское училище, отслужил в армии. Как психотерапевт специализировался на старших курсах московского стоматологического института.

— Мне повезло, — рассказывает Алексей Николаевич, застегивая белый халат. — Еще студентом я подрабатывал как массажист в поликлинике персональных пенсионеров, и моим пациентом стал Алексей Федорович Лосев, «последний из могикан». Ныне для изучения таких его работ, как «Диалектика мифа», — за которые он попал на строительство Беломорканала, — проводят семинары студенты, организуются клубы. Философ и лингвист, Лосев был человеком верующим. Во время массажа он все время озадачивал меня философско-религиозными задачами. Часто полусушутливыми. Например, говорит: «Один верует в Бога, а другой — в бога-материю. Но по сравнению с христианским Богом его бог — недоразвитый, примитивный, а человечество давно перешло от пантеизма к религии, воспринимающей Бога как личность. Что скажешь?». Девять лет дружбы с Алексеем Федоровичем определили многое в моем сознании. Нагрузки у меня тогда были большие, времени мало, но я всегда посещал церковь, где служил протодиаконом мой старший брат. Это придавало сил, восстанавливало душевное равновесие...

Однажды Бабурин, уже работник кардиологического центра, приехал в международный аэропорт Шереметьево встречать гостей форума «Врачи мира за предотвращение ядерной войны». И попал в объятия архимандрита Григория, давнего знакомого семьи Бабуриных, он тоже встречал американский самолет. Алексей посетовал на жизнь: работа интересная, но полного духовного удовлетворения, как в храме, не чувствует. Архимандрит запомнил разговор. После месячной «стажировки» чтецом в Успенском храме Новодевичьего монастыря врач Бабурин был рукоположен в дьяконы, а еще через пару месяцев — в священники.

До недавнего времени доктор Бабурин — сотрудник Центра клинической психотерапии. Он работает медико-психологические методы борьбы с курением, проводит гипнотические сеансы, ведет наблюдение. Его сообщение на заседании общества психотерапевтов ведущие ученые рассматривают как основу будущей диссертации. Ныне Бабурин — психотерапевт одного из наркологических диспансеров.

— Алексей Николаевич, как сказывается на вас как на священнике медицинское образование, и на деятельности врача — посвящение в сан?

— Рукоположение ниспослало мне благодать Божию, а выражаясь языком светским, наложило особую ответственность за каждого человека вообще и больного в частности. Во мне как бы открылись дополнительные силы, о которых я раньше не подозревал. Будучи только врачом, я честно выполнял свои обязанности, а теперь я не имею нравственного права не использовать всех своих личных душевных качеств для установления контакта с больным, для устранения невидимого барьера, существующего между ним и врачом. Издревле врачи говорили своим пациентам: «Твою болезнь мы одолеем потому, что она одна, а нас трое: я, ты и Бог» ...Помогает ли врач во мне — священнику? Возьмем, для примера, исповедь. Когда верующий приходит на исповедь, священник произносит каноническую фразу, означающую приблизительно следующее: Христос

невидимый стоит перед нами, и я между вами как свидетель. Если вы будете со мной неискренни, то примете двойной грех. Вы пришли во лечебницу, то есть в духовную лечебницу, и не можете уйти отсюда неисцеленным. Образ лечебницы — это тоже образ храма, где верующий не просто перечисляет свои грехи, тем самым избавляясь от ответственности за них, а должен раскаяться — прочувствовать прегрешения всем своим существом. Эта фраза, предваряющая исповедь, сама по себе напоминает психотерапевтическую установку. Я же развиваю эту тему и дальше. Как врач я увязываю грех и болезнь: пьянство — порок, алкоголизм — болезнь, грех приводит к болезни. В каждом случае лечение строго индивидуальное, с учетом особенностей личности каждого и глубины прегрешений. Для прихожан не секрет, что я врач, и в некоторых деликатных случаях им проще быть со мной откровенными. Их искренность иногда потрясает... В идеале я хотел бы иметь при храме амбулаторию, где я вел бы прием в рясе, с крестом.

...Со своей будущей супругой Алексей Николаевич познакомился в церковном хоре. У них трое детей. Жена работает программистом в системе Академии наук СССР. Помимо врачебной практики и службы в храме Алексей Николаевич как священник проводит беседы с больными во Всесоюзном научном центре медико-биологических проблем наркологии и организует милосердную деятельность.

Не думаю, что судьба отца Алексея может стать, что называется, типовым вариантом. Такая судьба не делается по заказу. Да и при всей его нынешней внешней удачливости, путь Бабурина был тернист и остается нелегко. Но для нашей темы этот частный случай важен. Жизнь предлагает варианты, которые не придумаешь, — вот в чем суть.

Бог Анонимных Алкоголиков (разговор в Минздраве СССР)

— В Советском Союзе только официально зарегистрировано 5 миллионов алкоголиков, каждый год эта цифра увеличивается на полмиллиона. Общее же число алкоголиков, по мнению специалистов, подходит к 30 миллионам. Пьянство — тяжелое общенациональное бедствие, но из 130 тысячоек в системе наркологических лечебниц не более 30 тысяч заняты теми, кто пришел добровольно.

— Владимир Федорович! — продолжаю беседу с начальником Управления наркологии, — считается, что самая эффективная, признанная во всем мире, система добровольного вовлечения больных алкоголизмом в лечебные мероприятия — это американская программа «Анонимные Алкоголики» (АА). По данным на 1985 год программа охватила 114 стран, всего в сообществе около 60 тысяч групп. Ваше отношение к этой популярной программе? Приемлема ли она для наших условий?

— Известно, как трудно бывает жене, родственникам или сослуживцам уговорить человека, употребляющего спиртное без меры, обратиться к врачебной помощи. Но уговорить его • посетить собрание группы АА — значительно проще. Там никто не осудит и не выгонит даже пришедшего в нетрезвом виде. Специфика АА в том, что группами руководят, как правило, бывшие алкоголики, уже достаточно давно излечившиеся от своего недуга. Вновь пришедший слушает людей, переживавших, как и он, падение, но вернувшихся к полноценной жизни. Он проецирует все услышанное на себя, сравнивает свои собственные симптомы с теми, о которых рассказывают бывшие больные, и в конце концов приходит к мысли, что он действительно болен и что к врачу обратиться необходимо. А выписываясь из стационара, он попадает не в ту среду, где в свое время начинал пить и где алкоголь — неперенный атрибут общения, а в группу АА. Здесь ему помогают по-новому заполнить свободное время, иначе снимать стрессы. Своего рода духовная пристань...

В нашей стране подобные формы находятся в зачаточном состоянии: требуется длительная и весьма кропотливая работа по подбору лидеров, необходимы помещения и определенная материальная помощь для пропаганды деятельности сообществ. Однако раздаются и голоса не в меру ретивых атеистов, считающих, что развитие данного направления — крен в сторону религиозизации населения. Дескать, двенадцать заповедей сообщества «Анонимные Алкоголики» круто замешены на вере в бога. Что ж, судите сами.

1. Мы признали свое бессилие перед алкоголем, признали, что мы потеряли контроль над собой.
2. Пришли к убеждению, что только Сила, более могущественная, чем мы, может вернуть нам здравомыслие.
3. Приняли решение препоручить нашу волю и нашу жизнь Богу, как мы Его понимали.
4. Глубоко и бесстрашно оценили себя и свою жизнь с нравственной точки зрения.
5. Признали перед Богом, собой и каким-либо другим человеком истинную природу наших заблуждений.
6. Полностью подготовили себя к тому, чтобы Бог избавил нас от наших недостатков.
7. Смиренно просили Его исправить наши изъяны.
8. Составили список всех тех людей, кому мы причинили зло, и преисполнились желанием загладить свою вину перед ними.
9. Лично возмещали причиненный этим людям ущерб где только возможно, кроме тех случаев, когда это могло повредить им или кому-либо другому.
10. Продолжали самоанализ и, когда допускали ошибки, сразу признавали это.
11. Стремилась путем молитвы и размышления углубить соприкосновение с Богом, как мы понимали Его, молясь лишь о знании Его воли, которую нам надлежит исполнить, и о даровании силы для этого.
12. Достигнув духовного пробуждения, к которому привели эти шаги, мы старались донести смысл наших идей до других алкоголиков и применять эти принципы во всех наших делах.

— Среди членов обществ АА, излечившихся от алкоголизма, немало людей неверующих и, более того, атеистов, которые таковыми и остаются, — продолжает рассказ В. Ф. Егоров. — Не случайно слова о том, как люди представляют себе бога, выделены в тексте устава. О каком боге в данном случае идет речь? Для верующих это конкретный бог со всеми религиозными атрибутами, для атеистов — абстрактная вера в объединяющее духовное начало, в Силу, которой больному недостает, чтобы преодолеть стремление к алкоголю. Слово «бог» включено в человеческую культуру исторически. Это — понимание истины, блага, созидания, это признание гармонии и совершенства мироздания.

Из США от представителей обществ АА мы получили бесплатно большое количество литературы, переведенной на русский язык, где излагаются принципы организации подобных обществ, и эта литература пользуется большим интересом у врачей-наркологов, они пытаются создать подобные сообщества.

— **Первым конкретным шагом в сотрудничестве, отмеченным на совещании в Даниловом монастыре, было посещение отцом Борисом (Гузняко-вым), настоятелем храма Скорбящих Радостей на Большой Ордынке, наркологической больницы. Что еще запланировано?**

— Согласно договоренности с главным наркологом Тулы, изыскиваются возможности для создания в Туле или области вместе с православной церковью реабилитационного центра.

Вы постоянно упоминаете именно православную церковь...

Первые контакты возникли у нас с Русской православной церковью, поэтому речь идет о ней. Но в будущем мы рассчитываем на помощь всех религиозных организаций страны и надеемся на взаимопонимание.

«ПОЧЕМУ НАС ДЕРЖАТ ЗДЕСЬ КАК В ТЮРЬМЕ?»

— таков был первый вопрос, заданный священнику Борису Гузнякову аудиторией...

Одно из отделений наркологической больницы №17. Доброжелательность, покой, чистота. И тут же милицейский пост у дверей, металлические решетки на окнах.

...У Юлии выпуклый крупный лоб, каштановые вьющиеся волосы. Она наркоманка. Недавно мучительно перенесла абстиненцию, но сейчас ее самочувствие удовлетворительное. Больных не предупредили заранее о том, что придет священник, но Юлия говорит, что чувствовала себя естественно:

— Что бы ни говорили, но все-таки здесь больница. Обстановка официальная, казенная, и священник спустился к нам, как в темницу. Временами у меня бывают депрессии, и тогда я вспо-

минаю эту беседу, вспоминаю Евангелие. У нас, верующих больных, нет возможности сходить в церковь, но нам, пичкающим себя всякой гадостью, необходимо что-то светлое и возвышенное. Необходимо, чтобы вырваться из внутренних ощущений, которые, кстати, схожи с религиозным чувством. Юлия знает, что на Западе при религиозных общинах есть коммуны, где людям, которые хотят вылечиться, помогают. И добавляет:

— У меня десятки знакомых наркоманов, которые в Бога верили, но справиться с собой не могли. Некоторые ушли целиком в религию, работают при храмах, монастырях, и выздоровели сейчас окончательно! Среди нас они считались людьми конченными, и если б я не увидела собственными глазами их перерождение, не поверила бы...

Кристине около тридцати лет. В этом отделении она проходит курс лечения от алкоголизма. Бойкая, подтянутая. Дома Кристину дожидается дочка.

Поймите, не каждый день приходится встречаться с попом... Борода, ряса. Ну, думаю, будет сейчас читать проповедь, какие мы нехорошие, грешные, падшие, и наставлять на путь истинный. Но он заговорил с нами задушевым голосом, не свысока, а как равный с равным, как человек с человеком.

Но разве врачи разговаривают с вами иначе?

Да нет, конечно. Но когда ты идешь к врачу, то дрожишь. Дело в том, что врач тебя наблюдает, как ты — возбуждена, подавлена, уравновешена? Исследует. А тут напряжение моментом слетело. Батюшка рассказывал нам о милосердии, о том, как верующие из его церкви помогают в больнице, ухаживают там за стариками, за инвалидами. Задавали много вопросов — о любви, например, существует ли загробная жизнь. Было интересно. В курилке споры после этого разгорелись, как на съезде депутатов. Девочки-наркоманки все носят кресты, и их спросили: «Вот вы говорите, что в Бога верите, а сами при этом колетесь. Разве это угодное Богу дело?» А они отвечают: «А вы пьете и думаете, что лучше, чем мы. А разве это угодное Богу дело?» Те: «А Христос вино любил!» Заспорили, полезли в самые дебри: кто первый, курица или яйцо.

На вопрос о том, просветила ли беседа с отцом Борисом личные проблемы Кристины, ответ последовал неожиданный:

— Не знаю почему, но после того, как священник рассказал про больницу, я стала задумываться, смогла бы я ухаживать за больными стариками — подавать этим людям «утку», переодевать их, менять постельное белье... Думаю, не смогла бы. За близкими, родными — конечно, а вот так... Да, я им сочувствую, но ухаживать... Нет, думаю, не смогла бы...

Известно, что алкоголизм — заболевание эгоистическое, вытесняющее ответственность перед близкими. И дело не в том, пойдет ли Кристина ухаживать за больными: важно, что она об этом задумалась...

Заведующая отделением Светлана Ивановна Яздовская в разговоре со мной сразу заявила:

— Хочу отметить отрицательные стороны встречи. Отметить ради того, чтобы в будущем они стали эффективнее. Отец Борис захотел остаться с больными наедине. Думаю, это было ошибкой. Больные не поняли, как мы, врачи, относимся к этому визиту, и чувствовали себя скованно. Его спрашивают, для чего милиция и решетки, а он отвечает уклончиво:

«Наверное, так надо». Это действительно надо в интересах самих больных, однако слова священника прозвучали так, будто он противопоставляет себя врачам, а ведь мы должны доверять друг другу. Подростки, по нашим наблюдениям, практически не прореагировали на встречу с отцом Борисом. Больных, находящихся в остром состоянии, нам самим приглашать на встречу не следовало — они не «слышали», о чем идет речь, им было трудно. Но те, кто выписывается в ближайшее время, проявили заметную заинтересованность. Вообще-то такие встречи полезны на каждой стадии, но наиболее эффективны на этапе реабилитации. Если церковь просто ставит перед собой задачу говорить о добре, то встречи проводить можно раз в две недели, но если дело в том, чтобы восстановить нравственную основу в каждом, то такое общение необходимо чаще — хотя бы дважды в неделю. В целом мы оцениваем беседу положительно и будем рады видеть отца Бориса.

И все-таки, для чего милиция и решетки?

Посетители, а это иногда «товарищи по несчастью», пытаются пронести друзьям спиртное или наркотики. Дежурные — как правило, пожилые женщины — не в состоянии сами справиться

ся с разнузданными молодыми компаниями, берущими двери приступом. Возможность таких контактов лишила бы нашу работу всякого смысла, не говоря уже о катастрофических последствиях...

В тоне Светланы Ивановны — глубокая озабоченность. И, как мне показалось, — пока что неуверенность в том, что священнослужители по-настоящему помогут наркологам. И вправду — мало ли мы видели прекраснодушных кампаний, которые кончились ничем? Не случится ли так и на этот раз?..